

КАК-ТО Мартирос Сергеевич Сарьян говорил о разнице между процессами зарисовки и рисования. Зарисовка — это стремление уловить и запечатлеть те или иные внешние черты предметов, сохранить правдоподобие, сходство. Рисование — это другой процесс, это отражение явления во всей сложности, противоречиях, глубине.

Мы будем говорить не о художнике, но о поэте. О поэте, чье творчество — не зарисовки, пусть весьма правдоподобные, а рисунки «во всей сложности, противоречиях, глубине».

Поэт — Сергей Орлов.

Год рождения — 1921-й.

Место рождения — село Мегра, километрах в сорока от Белозерска.

Родители — Сергей Николаевич и Екатерина Яковлевна — сельские учителя.

Прокомментируем. О годе рождения распространяться не стану — чаще всего встречаю его как начало строки: «1921—1941» или «1921—1942»... Но есть среди людей этого года рождения счастливы. То, за что они сражались, неколебимо, сами они живы, и уж их-то не пугают невзгоды и несчастья среднего калибра. Может быть, отсюда тот философский оптимизм, который пронизывает поэзию Сергея Орлова, да еще та радость жизни, которая порой просто фонтанирует в его стихах:

Косматый, рыжий,
словно солнце, я
оптимистичен до конца.
Душа моя —
огнепоклонница,
Язычница из-под венца.

Главное вечно, остальное
приложится: «И ниче-
го не может статься с вес-
ной и Русью никак».

Белозерск. Мегра. Это тоже слова не простые. Лет за десять до рождения Сергея Орлова в этих местах побывали два фольклориста — Борис и Юрий Соколовы. Сборник их — «Сказки и песни Белозерского края» — стал классическим сборником русского народного творчества, а край, открытый ими, так и вошел в нашу культуру как славный край сказок, песен, легенд.

Удивительных. Уникальных.

Родители — учителя.

Это значит — культурная стихия, окружающая поэта с детства.

Это значит — органичность книги в доме, как и органичность песни на улице. Впрочем, песня на Севере, конечно, входит и в дом учительницы. И не зря спустя полвека я пытаюсь у Екатерины Яковлевны уже позабытые ею песни:

...Уж мы ходили,
да мы гуля-а-ли
На все четыре устьи-и-ца.
Как на первом устьи-и-це-е
Там вода бежит-и-т
студен-а-ая...

Книга и песня — хорошее начало для поэта.

Но было другое, вероятно, важнейшее. Биографии людей «г. р. 1921» не бывали гладкими и в самом начале. Время врывалось в жизнь, как шаровая молния в избу... Отец умер рано, в семью вошел отчим — человек тоже передовой, активный. Он был одним из двадцатипяти тысячников — послали его в Бийск, колхозы организовывать...

Бийская область — это снова песни и снова народный говор. Но еще, главное, ощущение времени на стыках судеб — не людей, а классов, народа... Сергей Орлов вспоминал:

«За красный галстук в те годы влетало от кулацких сынков, но я носил его с гордостью, как мои друзья пионеры».

Почему говорим о детстве?

Не случайно это; впечатления первых лет жизни порой (не всегда!) решающие.

Рассказы стариков — сверстников Маяковского — из Багдади, записанные мною лет двадцать назад,

раскрыли многое в строфах поэта; в маленьких курских городках я на ощупь ощутил языковой конгломерат стихов Николая Асеева; приладожское село Кобона с его попевками и говором действительно оказались вступлением к Александру Прокофьеву... Конечно, детство не определяет будущее, но часто расставляет его вехи.

...Екатерина Яковлевна рассказывает, что Сергея в раннем детстве на беседы-посиделки не пускали, а пел он хорошо и песен знал немало. Еще рассказывает, что любил он рисовать, увлекался радио и книго-чтением был немалым. Я об

этом говорю конспективно, но говорить об этом надо.

Далее — война. Она в стихах Сергея Орлова. В его немногих статьях. В его написанной вместе с Михаилом Дудиным повести «Жаворонок» — танкистской легенде о советском танке, вырвавшемся из фашистского плена... Она во всех его сборниках: «Третья скорость», «Поход продолжается», «Радуга в степи», «Горо-

всегда в стихах Сергея Орлова. Можно считать ее точкой отсчета. Можно назвать шемящей раной. Она стала критерием гнева, а подчас и отчаяния. Она стала мерой дружбы и любви. Она врывалась в самые мирные и самые «гражданские» стихи поэта напоминанием о том, что было, и о том, что не должно повториться.

Напомню поэму «Одна любовь» — она сплошь про-

забот, эти мотивы замолкают, чтобы остаться где-то в памяти, «в уме».

Стихи Сергея Орлова — и те, которые прочно вошли в память читателя еще в первые послевоенные годы, и более поздние, которые как бы подперли создавшееся у нас мнение о нем как о певце солдатского братства, и совсем новые, казалось бы, далекие от поэзии недогнувшего мужества военных лет — со-

ВЕРНОСТЬ СОЛДАТСКОМУ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

СЕРГЕЯ ОРЛОВА

док», «Голос первой любви», «Человеку холодно без песни», «Колесо»...

Сергей Орлов — поэт, рожденный войной. Отецественной. Справедливой. Самой справедливой и самой тяжелой из всех войн, которые знала история. Танкист и поэт, он вошел в литературу с запасом фронтовых впечатлений, со сложным и нелегким комплексом мыслей и дум человека, который еще совсем юным ощутил где-то на самой границе жизни и смерти.

Можно говорить о движении поэтического характера, о появлении новых интонаций. Но война на-

низана образами войны. Здесь даже цветы ассоциируются с разрывами, а травы — с колючей проволокой. И хотя в поздних стихах С. Орлова тема солдатских переживаний уступает теме философского осмысления мира, война незримо присутствует и там. Это то, с чем засыпает и просыпается человек, что приходит к нему в снах и не уходит наяву:

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается
и плачет
В мире абсолютной
тишины.
Светом алюминиевым
и ракет
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом
и рассветом
Человек проводит
под огнем.

И лишь, пожалуй, в стихах о великом искусстве старой Руси — о Дионисии да о старых песнях, о том, что поставлено поэтом намного выше повседневных

здают очень определенный образ поэта.

Поэт стремится найти закономерность явлений, их внутреннюю связь, найти философское объяснение самых разных явлений. В целом ряде стихотворений он говорит о подвиге, который только потому и стал подвигом, что был сотворен массами («Второй»). Он напоминает о тех, кто создал, может быть, самые удивительные и важные вещи в истории человечества и остался неизвестным («Кто был изобретатель колеса?»). Он пишет о продолживших первые пути и о молодых людях, для которых битвы его поколения — далекая история, нечто вроде битвы на поле Куликовом. Из всего этого складывается образ героя поэта, человеческого, умного, защищенного от мелких обид и ненужной морализации. Ему понятны законы истории, и он стремится проложить прямую от моральной силы далеких предков до

наших современников — «запросто великих» («Коммунисты»).

СЕРГЕЙ ОРЛОВ — один из поэтов начала советских годов, которые приняли эстафету двадцатых, разумеется, внеся в нее коррективы времени, и передали ее тем, кто пришел в поэзию уже спустя два десятилетия.

Поэты редко появляются в эпоху спокойного разви-

стихах с тематикой, пересекающей биографию поэта, но не рожденных ею), это рисунки, обогащающие и дополняющие мир.

И не случайно в его стихах сильные и цветное решение, и собственно рисунок (сюжет, концепционнаяность, доминанта мысли).

Рисунок стиха? Вот, пожалуйста: «Что такое? Здесь белую ночь открывают! Открывают, как бал? Нет, скорее как душу»; или: «Поезд пригородной зоны в лес поехал, как этаж новостройки освещенной»; или еще: «...Лежит сосна, роняя иней, как бы споткнувшись на бегу».

Рисунки разные — и данные «впрямую», и с логическим сдвигом. Гибкость линий. Лаконизм. Точность перспективы. И всегда есть нечто «фоновое»; в стихах о сосне этот фон яркое, не заметить его нельзя:

Но от сравнения с солдатом
Я отрешиться не могу,
Вот так споткнувшись
когда-то,
Назад лет двадцать,
на снегу.

В других стихах, строки из которых я привел, постоянного фона — то есть войны — на рисунке нет. Но о чем бы ни писал поэт, где-то не в подтексте, а в подсознании — война, воспоминания о том, «как редело наше поколение» («Самые отважные солдаты...»).

В более поздних стихах поэта очевидно стремление рассказать не просто о красоте мира, о счастье жить, о всем том, что особенно заметно человеку, за спиной которого «столько грома, крови, боли и на дыбы встает земля».

В рисунке этих стихов редки фольклорные стилизации; поэт почти никогда

не пользуется лексикой народной песни или сказки. Но о чем бы он ни говорил, на память приходят образы пословиц, поговорок, народной фразеологии. И порой ошутим в этих стихах северный говор — та удивительная речь, которую можно уподобить лесной тропинке, то огибающей валуны, то подходящей к озерцу...

БЫЛ у Сергея Орлова цикл под названием «Человеку очень много надо» — стихи о душе, ставшей у него символом человеческой нетерпимости к застою, ограниченности, моральной окаменелости. Строки, разбуждающие спокойствие, гласили: «Вдруг оказалось — у меня душа, и с нею надо, видимо, считаться».

Мне не хочется переводить язык стихов на критическую прозу — вероятно, живописцу это было бы проще сделать: он дал бы, скажем, мирный и ласковый пейзаж — голубоватые и зеленоватые тона и успокаивающие тени — тихое умиротворение, вечернее море или дышащий покоем луг и жажнул бы молнию или клубящийся взрыв — ослепительное красно-черное зарево, лиловые всплески над пеплом.

В жизнь входит то, что в литературе древней Руси называлось «внутренним человеком», — душа. Зачем?

Чтобы поставить в активный ряд «старомодное» понятие, чтобы вызвать ассоциативный ряд — «поиск души» — то, что двигает людьми и сегодня и двигало всегда...

Но взбунтовалась
бедная душа,
Та самая, что еле-еле
в теле...

Далее душа персонифицирована. Эта душа напоминает персонажа из античного театра, но еще больше (вот он, старый танкист!) боевую закованную в броню машину:

...И двинулась,
все ложное круша,
Ко мне. Она другой
не знает цели.
Меня она за шиворот
взяла,
Тряхнула и...

Здесь снова незаметный переход — душа, ожившая и превратившаяся в реальность, опять уходит в метафору: «Тряхнула и поставила на ноги».

Удар нанесен. Снова нормальное бытие. Спокойствие. Уверенность. Возникает образ человека, обретшего самого себя. Далее приговор:

Иди, будь тверд, верши
свои дела
И знай: горшки из глины
лепят боги,
Ты — бог, ты добр,
ты храбр, и я с тобой.
Лепи горшки.
Не предавайся лени,
и принимай неотвратимый бой,
и подымай упавших
с четверенек.

И убеждение:

Она — душа.
Считаться с нею надо,
И забывать о бренности
своей...

Развернутая программа наступающего гуманизма!

МИР вещественный, полный ярких красок и реально осязаемых предметов — в стихах С. Орлова очень веселый, очень молодой мир. Иногда кажется, что поэт его видит впервые, хочет со всех сторон рассмотреть разные предметы, осязать их руками. Щедро нагнетает он образы и цвета.

От рисунка — к цвету.

Буду говорить о поисках красок, но не в живописи, а

в стихах. О красках Севера. Север наш своего живописца пока не нашел — были, конечно, художники, и вовсе не плохие, а вот такого, чтобы сломал не знаю откуда идущее «и краски там блеклы, и тона неярки, и линии скромны», не знаю... Вместо живописцев краски и тона Севера открывают прозаики, фольклористы, поэты... Меркнут краски любого карнавала перед осенними тонами Севера, когда над ультрамариновой гладью озера бушуют синие и алые листья осин, желтые березовые, да еще и небо вдруг раскроется синим-синим...

В стихах у Сергея Орлова: «...Встала в небе радуга цветная, как ворота на конце шоссе»; «...Белый, красный, золотистый город, неба, солнца, красок кутерьма»; или: «...Девушки с льняными волосами и глазами неба голубей...»; или: «Мне на Волге потом рассказали матросы: плыл по Волге цветными усыпанный остров...». И т. д.

Оптимизм поэта — это ликование цветов. Философичность зрелости — графика.

В стихах «Белые ночи» он пишет:

Людям нравятся
белые ночи,
Людям черные ночи
не любя!

И снова предупреждение, снова тревога...

...Я беру в руки книгу Сергея Орлова. Стихи новые, а голос прежний. И цветастость прежняя. И раздумчивость. Может, только пошире стали горизонты; и все равно в центре ее — война. И герой ее — по-прежнему солдат, давно вернувшийся с войны, забыть которую ему не дано.

Д.М. МОЛДАВСКИЙ

БРАТСТВУ

тия общества. Чаше они возникают на острой грани социальных и общественно-психологических сдвигов, отражая большие явления в жизни общества. Разумеется, традиция в поэзии — это не просто преемственность, это и развитие, и полемика; качества, приобретенные поэзией военных лет, — ненависть к громким словам и глубокий патриотизм, органичное ощущение себя наследником всей исторической славы страны и чувство ответственности за ее судьбу, не романтическое, а бытовое видение смерти, ощущение себя на передовой в прямом смысле этого слова:

Как самое великое творенье
Пойдет в века,
переживет века
Информбюро скупое
сообщенье
о пути-дороге
нашего полка.

Стихотворения Сергея Орлова — не зарисовки (хотя зарисовки у него тоже есть, главным образом в